

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В БОЛГАРСКОМ, РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Динева
Пловдив (Болгария)

Resumen

El presente trabajo esta dedicado al estudio comparativo de categoría del género en el ruso, bulgaro y polaco. Se analizan los rasgos sintáctico-morfológicos y semántico-morfológicos, se presta atención especial a la influencia de las categorías de la personalidad/impersonalidad y de la animacidad/inanimacidad en el género en dichas lenguas eslavas.

Palabras clave: категория рода, лексема, семантический, морфологический и синтаксический критерии.

Abstract

The present article is dedicated to the comparative study of the category of gender in Russian, Bulgarian and Polish. The syntactical-morphological and semantic-morphological are analyzed, and special attention is paid to the influence of the categories of personality/impersonality and animate/inanimate in the gender of Slavonic languages.

Palabras clave: категория рода, лексема, семантический, морфологический и синтаксический критерии.

В лингвистике род считается одной из самых специфических категорий, поскольку в отличие от других грамматических категорий, касающихся словоформ, род имеет отношение к лексемам как совокупности словоформ и поэтому по роду противопоставляются не отдельные формы слова, а целые слова. Исходя из этого, А. А. Зализняк, например, разграничивает два вида грамматических категорий – *словоизменяемые* и *классифицирующие*, что соответствует их разделению некоторыми другими языковедами на грамматические и лексическо-грамматические категории (Зализняк 1967: 31). В болгарском языкознании воспринята постановка, что род является морфологической категорией у прилагательных, числительных, местоимений и лексическо-грамматической у имен существительных (Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998: 370). В грамматической литературе часто встречается мнение, что содержание категории рода не связано с семантическим компонентом – т.е. с общей для всех разновидностей данного явления сущностью, а основывается на принципе согласования, заданного формальными показателями (что особенно характерно для прилагательных). Представляется, что своеобразие проявлений категории рода является следствием сочетания в нем двух, существенно отличающихся друг от друга групп признаков – синтаксико-морфологических, не имеющих ничего общего с категориальной семантикой в процессе обозначения предметов (типа болг. *прозорец – маса – село*) и семантическо-морфологических, входящих в прямой зависимости от значения лексем в соответствии с биологическим полом обозначенных объектов (типа русск. *учитель – учительница, лев – львица*)¹⁰. Разумеется, над семантическими характеристиками рода преобладают грамматические, но это вовсе не дает основания рассматривать сущность категории односторонне, а проявления форм в их взаимодействии описывать независимо друг от друга.

В этом смысле Н. Н. Дурново пишет: “Явление согласования существительных с поясняющими их прилагательными в том же падеже называем род” (Дурново 1924: 208), разграничивая при этом четыре рода единственного числа – мужской

¹⁰ См. Мучник, И.П. (1971): *Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке*. Москва, с. 178.

одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний, а в множественном числе – одушевленный и неодушевленный. Таким образом, все имена существительные, обозначающие лица и животных мужского пола, независимо от формы (русск. *дед, портной, мужчина, козел*) принадлежат к мужскому грамматическому роду, а лица и животные женского пола (русск. *жена, дочь, корова, гусыня*) – к женскому роду. Средний род охватывает преимущественно наименования неживых объектов, отвлеченных и собирательных понятий; имеются также некоторые исключения, относящиеся к номинации живых существ: русск. *животное, насекомое, чудовище, лицо* в значении 'личность' и др. Позднее польский ученый В. Маньчак создает свою теорию рода, основанную тоже на принципе предметно-экзистенциального разграничения (Маньчак 1956: 116-121).

С основанием можно утверждать, что сущность категории рода имен существительных состоит в их распределении по классам, имеющим разное синтаксическое согласование – в этом смысле род является классифицирующей категорией, а ее специфическая черта заключается в наличии двух грамматических значений. Первое из них показывает принадлежность наименований к определенному согласовательному типу и оно одинаково для всех языков, имеющих род. Следовательно, это значение рода является его исключительно языковым проявлением и определяется системой языка, в которой функционирует данная категория. В отличие от него, второе грамматическое значение основывается на признаках, характеризующих объекты неязыковой действительности и оно специфично для отдельных индоевропейских языков. Для славянских языков группировка наименований по классам характеризуется сочетанием признаков одушевленность $\approx$ неодушевленность, личность $\approx$ неличность, наличие $\approx$ отсутствие соотношения с биологическим полом (Карпинская 1966: 75).

Отсюда возникает вопрос о соответствии между наличием и качеством признаков пола объектов действительности и элементарных значений грамматического рода имен существительных. Принадлежность данного объекта к определенному полу включает и его семантическую характеристику, т. е. описывается по дифференциальным признакам. Вероятно в древности распределение имен по роду в известной степени должно было отражать специфику устройства общества, его религиозные и политические взгляды – значение мужского рода должно было показывать силу, активность мужского пола, соответственно слабость, пассивность женского. По этой причине внимание было направлено преимущественно к семантике пола (оттуда и рода) и не было ориентировано к его формальному выражению в языке.

В современной лингвистике распределение имен по родам происходит с учетом трех основных критериев: *семантического, морфологического* и *синтаксического*, которые работают на дескрипцию данной категории как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Известно, что род относится к лексеме, а лексема представляет собой совокупность словоформ, объединенных одним общим компонентом – коренной морфемой. Представителем лексемы в традиционных грамматиках славянских языков является именительный падеж в единственном числе. Недостаточно, однако, отделить исходные формы имен с соответствующими им значениями и приписать языку категорию рода. Подобный путь построения родовой модели оказывается неэффективным, так как не может отразить адекватно языковые факты, характерные для категории рода. Распределение родов по семантическим или половым признакам, с другой стороны, не касается их формального выражения в языке, так как от наличия противопоставленных лексически пар (русск. *мать – отец*; пол. *matka – ojciec*, русск. *баран – овца*; пол. *baran – owca*) вовсе не следует, что в данном языке существует грамматическая категория рода: ср. болг. *майка – баща*

(морфологический показатель **-а** является грамматическим маркером женского рода, а лексема *баща* относится к мужскому роду).

В индоевропейских и в частности в славянских языках категория рода несомненно является грамматической, поскольку существуют формальные способы ее выражения, а из указанных примеров следует, что все ее признаки (семантический, морфологический, синтаксический) следует рассматривать в единстве. На самом деле, построение трехродовой модели в ряде индоевропейских языков возможно лишь потому, что она опирается на все три критерия распределения имен по родам.

Морфологические, как и семантические показатели рода для языков славянского типа неоднозначны. В принципе, словоизменяемая морфема **-а** является морфологическим показателем женского рода: болг. *жена, стена*, но существует значительная группа имен с тем же показателем, принадлежащих к мужскому роду или общих для мужского и женского рода. Большею частью, обычно, это архаизмы или относительно редко употребляемые слова, называющие лиц мужского пола: болг. *войвода, велможа, старейшина, владика, предтеча, юноша*; есть, однако, и слова, принадлежащие к активному словарю современного языка, например, *съдия, стариина*. Другую, далеко не малочисленную группу экспрессивных имен эмоционально-оценочного характера с морфологическим показателем **-а**, называющих лиц обоих полов, составляют некоторые заимствования или причастные и отглагольные формы: болг. *будала, скръндза, стипца*; русск. *мымра, пустомеля, неряха*; пол. *ciara, wierzycielka, sierota, niezdarca*. С другой стороны, существительные с морфологическим показателем мужского рода могут называть лиц женского пола – к этой группе относятся наименования профессий, титулов и должностей: болг. *учен, професор, биолог, инженер, хирург, дипломат, депутат* и т. д., хотя во всех трех языках для некоторых профессий утвердилось применение параллельных форм женского рода, образованных при помощи аффиксальных комплексов **-ка, -ичка, -ица, -ша, -иха**: болг. *учителка, лекарка*; русск. *учительница, врачиха*; пол. *nauczycielka, lekarka*. Некоторыми же такими формами умышленно подчеркивается уничижительное отношение говорящего к обозначенному лицу, поэтому предпочитают формы мужского рода: болг. *Тя е доктор, Тя е инженер*; русск. *Она инженер, Она доктор*; пол. *Ona jest lekarzem, Ona jest doktorem*. В настоящее время во всех трех языках (и особенно в последние годы) намечается устойчивая тенденция к предпочтению этих форм, даже для таких профессий, как *учитель, врач* и др. вместо *учительница, врачиха* (ср. болг. *колега – колежка, директор – директорка, писател – писателка*).

Как известно, для самых распространенных домашних животных существуют в языке разные названия мужской и женской особи: болг. *коза – козел, крава – бик, овца – овен, кокошка – петел*; русск. *коза – козел, корова – бык*; пол. *koza – kozioł, krowa – byk, owca – baran, kura – kogut*. Однако, когда половые различия между животными не имеют особого практического значения, в повседневном общении используется обычно одно общее слово, называющее и мужскую, и женскую особь животного: болг. *маймуна, лястовица, мравка* (ж. р.); *пингвин, тюлен, морж* и др. (м. р.); русск. *мышь, крыса, обезьяна* (ж. р.); *носорог, бегемот, тюлень* (м. р.); пол. *mysz, żaba, małpa* (ж. р.); *nosorożec, hipopotam, jastrząb* (м. р.). Кроме того, в некоторых группах наименований в русском и польском языках могут отсутствовать внешние признаки категорий падежа и числа: ср. русск. *какаду, губоно, пари*; пол. *kakadu, atelier, atu* – несклоняемые. С точки зрения типологического распределения имен по классам интересно отметить, что в русском языке почти все несклоняемые существительные, называющие живые существа, относятся к мужскому роду (*какаду, шимпанзе, гну*; исключение, напр., *колли* - в результате согласования со словом *собака*), почти все названия газет и рек относятся к женскому роду (в соответствии с родовой принадлежностью общего понятия – *река, газета*; исключение, напр., *Дунай*

- м.р.), названия городов, если не соответствуют морфологическим нормам языка, относятся к мужскому роду: *Токио, Монако, Чикаго*. В польском языке несклоняемые названия животных типа *kakadu, zebu* относятся к ср. р., а названия городов и рек принадлежат к общему роду исходного слова, т. е. *miasto – Tokio, Monako, Delhi* (ср. р.), но и в зависимости от морфологического показателя (*Dunaj – м. р.*), слова чужого происхождения тоже относятся к среднему роду (типа *menu, kakao*). Так же и в болгарском языке – *меню, жури, джамбуре* и др., причем имена городов редко относятся (преимущественно в разговорной речи) к категории среднего рода: ср. *Русе е красив град* (м. р.), но *Омръзна ми вече това Русе* (ср. р.).

В подтверждении убеждения, что по родам противопоставляются не формы одного слова, а целые слова, а категория рода является характерным морфологическим признаком имен, А. А. Потебня заявляет: “Категория рода у имен существительных не только их техническое, “шаблонное” оформление. Она содержательная” (Цит. по: Виноградов 1972: 58). На самом деле, путем логики нельзя непосредственно объяснить почему такие слова, как например болг. *град, таван, прозорец* относятся к мужскому роду; *маса, стена, песен* – к женскому, а *село, море, слънце* – к среднему. Неясными остаются причины, по которым лексема болг. *корем* (русск. *живот*, пол. *brzuch*) относится к мужскому роду, а *ишембе* (русск. *пузо*) к среднему, если они практически обозначают один и тот же объект. Это утверждение подкрепляется и фактом, что никто из современных носителей данного языка не осознает причин, из-за которых некоторые наименования деревьев как *дъб, клен, ясен – дуб, клен, ясьень – dąb, klon, jesion* и др. относятся к мужскому роду, а другие как *липа, береза, върба – липа, береза, верба – lipa, brzoza, wierzba* и др. к женскому роду, или отчего, кроме слова *дърво – дерево – drzewo*, почти нет других обозначений деревьев среднего рода (при исключении лексемы *гинкго*, самое древнее дерево – ср. р.).

Замечается, однако, известная последовательность при группировании существительных имен по родам в зависимости от их значения. Например, во всех трех языках названия месяцев относятся к мужскому роду, а наименования сортов яблок к женскому роду. Имена среднего рода, с некоторыми исключениями, обозначают неживые объекты. Оказывается, что рядом с грамматическим представлением рода в нашем сознании живет реальное родовое представление в зависимости от естественного пола живых существ. Определенным образом идея пола доминирует при существительных женского рода, в то время как мужской грамматический род выражает в большей степени идею лица, чем пола (лексемы *човек – человек – człowiek* имеют форму только мужского рода, а обозначают лица того и другого пола). Разумеется, за пределами категории лица с родовыми классами сочетаются и другие значения, не имеющие ничего общего с идеей пола, а грамматическая форма рода может обладать незначительным семантическим оттенком, что наблюдается преимущественно в русском и редко в болгарском и польском языках – колебания рода слов с общей основой типа русск. *метод – метода, манер – манера, зал – зала*; пол. *rodzynek – rodzynka, szmat – szmata*; болг. *контур – контура* (редко), *контрол – контрола* и др., которые относятся к группе так назыв. двуродовых имен существительных, к которой принадлежат еще некоторые уменьшительные собственные имена с окончанием мужского рода в русском языке и среднего рода в болгарском, но обозначающие лиц женского пола типа русск. *Верунчик, Дусик, Манек*; болг. *Ленчето, Елито, Герито* и др., что с функциональной точки зрения можно толковать как проявление родовой гибридности: ср. *Елито е заминала на море*.

А. В. Миртов утверждает: “Если грамматический род не отождествляется с полом, надо признать, что и при назывании неодушевленных объектов грамматический род не просто формальный пережиток, а в своей сущности он живое и семантически неугасающее явление” (Цит. по: Виноградов 1972: 60). В этом плане

рассуждений А. А. Потебня отмечает: “о том, какой смысл имеет род, мы судим только тогда, когда мысль сосредоточается, т. е. в поэтических произведениях” (там же). Переводчикам трудно, а иногда и практически невозможно передать точный смысл одних и тех же слов разного грамматического рода в отдельных языках, например в поэзии луна связывается либо с мужским, либо с женским образом: ср. нем. *der Mond*, пол. *księżyc* – м. р.; болг. и русск. *луна* – ж. р. Такие явления возможны и при обратном переводе, с родного на чужой язык: ср. болг. лексема *светулка* (ж. р.) – невеста сверчка в детской песенке “Белый зайчик” – в русском и польском языках относится к мужскому роду (русс. *светлячок*, пол. *światlik*).

Каждый из трех классов рода имен в рассматриваемых языках связан со своим кругом значений и случаев использования, но производит впечатление более активное использование мужского и женского рода, чем среднего. На самом деле, положение среднего рода во всех трех языках своеобразно, так как количественный состав слов среднего рода постепенно сужается. Со средним родом связано наше самое отдаленное представление о нелицах: ср. болг. *същество, божество*. Вопреки нашему конкретному восприятию эти слова используются для общей характеристики живых существ как мужского, так и женского пола, напр. болг. *чудовище, страшилище, нищожество*. Неустойчивое, промежуточное положение среднего рода выделяется прежде всего в системе склонения имен в русском и польском языках. В единственном числе формы среднего рода, кроме именительного и винительного падежа, изменяются так же, как формы мужского рода, что подчеркивает близость среднего рода к группе имен существительных мужского рода по признаку неодушевленности. Это своеобразие форм среднего рода может толковаться как проявление отвлеченной абстрактной формы. Оно выделяется больше всего тогда, когда при их сочетании с другими частями речи те же формы функционируют как определения: болг. *гръмко ура, последно сбогом*; русск. *большое спасибо*; пол. *wielkie dzięki*. Формы среднего рода субстантивированных имен прилагательных тоже получают обобщенное, абстрактное значение: ср. в русской поговорке *Старое старится, молодое растет* – прилагательное *старое* обозначает все то в природе, что может постареть, вне зависимости от пола.

В этом смысле можно говорить о сужении количества слов среднего рода в зоне имен существительных, вызванном общим процессом его семантического обезличения в ряде индоевропейских языков, таких, как английский, французский, армянский и др., хотя это процесс не однозначный и не прямолинейный. По отношению к книжному стилю славянских языков следует иметь в виду формирование абстрактных отглагольных существительных среднего рода с суффиксом **-ние, -ение, -ство** и др., которые как бы компенсируют его сужение: русск. *горение, стремление*; болг. *съединение, обединение*; пол. *bieganie, pranie* и др. Явление обезличения среднего рода в болгарском, русском и польском языках хорошо просматривается в следующих случаях:

1. когда безличные формы глаголов в прошедшем времени совпадают с формами среднего рода – русск. *его знобило и ломало*; пол. *kręciło tu się w głowie; Zamarzło*; болг. *валяло е дъжд*;
2. когда безличные формы для выражения состояния, возникшие от страдательных причастий, прилагательных и наречий, совпадают с соответствующими формами среднего рода – русск. *ей душно, скучно, досадно*; болг. *... и срамно, и мъчно, и болно му беше ...; Така му било писано*; пол. *Ciekawe, że się o tym mówi*;
3. когда рядом с безличными словами могут находиться местоименные формы среднего рода – болг. *то, това, каквото: Това е то! Било, каквото било!*; русск. *это, оно (что): и так оно и вышло, что не надо было беспокоиться*; пол. *to, to (co): To się dopiero okaże!; ... tak się złożyło, że ...*;

Важным моментом, связанным с процессом обезличения среднего рода, является то обстоятельство, что в качестве самых продуктивных выступают наречия с финалью **-о, -е**, т. е., имеющие те самые морфемные показатели, что и имена среднего рода, хотя категория рода, как и категории падежа и числа, как известно, вовсе не свойственна наречиям.

В истории лингвистической науки типология рода в славянских языках вызывала и вызывает большой интерес. В связи с этим Луи Ельмслев писал: "...это единственная область в зоне индоевропейских языков, в которой не только сокращается индоевропейское разделение по родам, но и дополняется благодаря развитию отдельных категорий, таких, как одушевленность $\approx$ неодушевленность, личность $\approx$ неличность в славянских языках" (Ельмслев 1956: ч. 1).

Как видно, традиционное описание классифицирует родовую совокупность как *мужской, женский и средний* род, но под влиянием категорий личности/неличности, одушевленности/неодушевленности субстантивные множества слов распадаются на личные и одушевленные. Несмотря на наличие двойного и тройного членения рода, ведущим является первое, поскольку реальная противопоставленность проявляется между мужским и женским родом, что замечается как на грамматическом, так и на семантическом уровне, а между ними и средним родом противопоставление идет по линии языковой техники—языковой идеологии. Здесь, конечно, речь идет не о разных грамматических категориях, а об одной грамматической категории рода, имеющей богатый инвентарь разновидностей и специфических способов выражения в отдельных славянских языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ XIX В. (1985): Санкт Петербург, изд. "Наука".
- ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, РАЗДЕЛ МОРФОЛОГИЯ (1970): Москва.
- СЪВРЕМЕНЕН БЪЛГАРСКИ ЕЗИК. (Бояджиев, Куцаров, Пенчев (1998): София.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1972): *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва.
- MAŃCZAK, W. (1956): *Pe rodzajów jest w języku polskim. Język polski*, s. 116-121.
- МУЧНИК, И. П. (1971): *Грамматические категории имени и глагола*. Москва.
- DURNOVO, N. (1924): "*La catégorie du genre en russe moderne*, Revue des études slaves. Paris, t. IV, fasc. 1 – 2, p. 208.
- HELMSELEV, L. (1956): *Animé et inanimé, personnel et non-personnel: Travaux de l'Institut de linguistique*. Paris.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. (1964): *К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке*. Вопросы языкознания, № 4.
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. (1967): *Русское именное словоизменение*. Москва.
- КАРПИНСКАЯ, О. Г. (1966): *Методы типологического описания славянских родовых систем в: Исследования по общей лингвистике*. Москва
- ДИМИТРОВА, СТ., ЗЛАЧЕВА – КОНДРАШОВА, С. (2001): *Пособие по морфологии современного русского языка*. Пловдив.
- ГРАМАТИКА НА СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ КНИЖОВЕН ЕЗИК, т. 2. Морфология. София 1993.